

Гнатюк „Впливи Максимовича на польсько-українську школу“, „Україна“, 1927, № 6 (25); Рихлик „З нової літератури про „Польсько-Укр. школу“, „Україна“ 1927, № 5 (24).

б) Отдельные представители польского казакофильства: Ujejski „D. Malczeski (1793—1826)“, Warszawa, 1929; Мочульський „В століття „Марії“ Мальчевського“, „Україна“, 1925 № 3 (12); Козловский „Пол. романтики. I. Северин Гошинский“, „Гол. Мин.“, 1913, № 2; Wasilewski „Sladami Mickiewicza“, Lwów, 1908; Wasilewski „Od romantikow do Kasprowicza“, Lwów, 1907; также у Третьяка, цит. соч.; о Залесском. Третьяк, 1911 г.; Колеса „Укр. народ. пісні в поезіях Б. Заліського“, „Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, ч. I; Евшан „Б. З.“, в „Літер.-Наук. Вістник“, 1912, к. III; также Козловский, „Гол. Мин.“, 1913, № 8; Tymko Padura „Pysma“, Lwów, 1874, о нем:

Драгоманов „Нові укр. пісні“, Женева, 1881; Марковський „Powrót Zaporozców z Trebizundy“ К. Гейсна „Україна“, 1926, № 5 (19); Проф. Евген Рихлик „Укр. мотиви в поезії Юл. Словацького“, „Записки Ніжинського Інституту народн. освіти“, кн. VIII (1928) и IX (1929); Aleksander Groza „Pisma“, t. I i II, Wilno, 1858; M. Grabowski „Literatura i krytyka“, Wilno, 1837—1840, t. I i III; T. Grabowski „Mich. Grabowski“, Kraków 1901.

с) „Балагулы“: Драгоманов „Евреи и поляки в Юго-Запад. крае“, „Вестн. Европы“, 1875, № 7 и в „Политич. сочин.“, т. I, Москва, 1908; его-же „Нові укр. пісні“, Ж. 1881; Пыпин, цит. соч.; Ефремов С., цит. соч.; „Громада“ укр. збірка, Женева, т. IV; „Материалы“ Ю. З. Отд. Имп. Геогр. Общ., собр. Чубинским, т. VII; „Древ. и Нов. Россия“ 1879 № 5 (Шульгин); „Записки Наук. Тов. ім. Шевч.“, т. 57 (Франко).

Шамба Балинов.

Сборник противоречий и афишировка „авторитетом“.

(Мысли, высказанные на докладе Харламова).

Бывают разные способы борьбы со своими политическими противниками, но главные из них три: умалчивание, так сказать — полное игнорирование; высмеивание — кроме иронии, мол, не заслуживают ничего другого и, наконец, „вынужденное снисхождение“ до прямой борьбы.

К этой третьей стадии борьбы, без успеха испробовав первые два „способа“, пришли и противники В. К. в настоящее время.

Сначала наши казахи „высокие“ сановники, находящиеся во власти сомнения, полагали, что вольно-казачье движение, не успев родиться, умрет своей естественной смертью, ибо оно начато, мол, не людьми, а „забубенными головушками“ и не имеет никаких корней в казачьей массе. Поэтому они из за боязни, как бы своим высоким вмешательством не укрепить это движение, предпочитали вначале молчать и ожидать его смерти. Но В. К., вместо смерти, стало все увеличиваться, укрепляться. Молчать стало неудобно нашим „высоким“ противникам. Они вынуждены были заговорить о нем, а потому они стали скватывать отдельные неудачные выражения из статей вольных казаков и поэтому поводу иронизировать, насмехаться: смотрите, мол, какие дурачки. Этот способ борьбы не принес им пользы. Идея В. К. стала захватывать все большие массы. Не втерпев стало нашим противникам, постепенно приближающимся к полной изоляции, к окончательному отходу от них казаков. И вот на позицию выкатилась тяжелая артиллерия в виде почтенного, седовласого В. А. Харламова, который, как он сам заявил, „обязан разрушать наивную веру казаков, их тщетную иллюзию“, другими словами, он пришел убить в душах казаков самое дорогое, святое, что поддерживает их в тяжкие дни изгнания, что вселяет им силу для преодоления тяжелых дней изгнания — святому веру в возрождение Казачества.

Кто с такой дьявольской целью пришел к казакам, тот должен выслушать и достойный ответ от тех, у кого он собирается вырвать их живое сердце. Цель его, конечно, страшная, но нам совсем не страшно, ибо он пользуется совершенно негодными средствами. Артиллерия то тяжелая, но заряд ее холостой и выстрел ее не может ранить тех, против кого он направлен. А если кого и ранит, то — „отдачей“ — только того, кто такими холостыми патронами стреляет.

В самом деле, весь его доклад состоял из одних противоречий. Разрешите мне начать именно с критики его „критики“ и представьте вам, как он так легко заблудился между трех сосен.

Он начал с утверждения, что самостийное движение — явление совершенно новое, казачеству неизвестное; что самостийники, сисяя хоть какнибудь обосновать свое положение, „извращают, искажают казачью историю, как древнейшую, так и ближайшую“.

Так ли это? Я ни таким „высоким“ авторитетом, как докладчик, ни его красноречием, ни его 25-ти летним опытом говорить не обладаю. Я — простой казак, а потому, чтоб не навязывать вам свое мнение, постараюсь „положения“ докладчика представить перед вами в совершенно ином виде ссылками на слова не менее докладчика авторитетных лиц и уличить его, что настоящим искажителем казачьей истории, как далекой, так и близкой, является не кто иной, как сам почтенный докладчик.

Итак, приступаю к цитатам.

Открывая в мае 1917 года 1-й Большой Войсковой Круг, председатель его, покойный Донской Баян — М. П. Богаевский, сказал: „Объявляю после 193 летнего перерыва 1-й Большой Войсковой Круг открытым“ и... на глазах казаков появляются слезы.

Вы совершенно правильно спросите: а что же было 193 года тому назад, что тогда было прервано, что в 1917 году возобновилось? На этот вопрос, уже давно, точно и ясно, в недопускающей никакого иного толкования форме, ответил присутствующий сегодня здесь почтенный проф. Сватиков. Разрешите процитировать его книгу „Россия и Дон“: „Войско Донское представляло из себя в XVI—XVII в.в. демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть“...

Как видите, если кто далекому казачью историю „искажил“, так сделали это покойный М. П. Богаевский и живой проф. Сватиков. Докладчик свое обвинение в искажении казачьей истории должен адресовать к ним, а не к нам, самостийникам!

Возьмем ближайшую казачью историю. Самостийники говорят, что в 1918—1920 г.г. казаки боролись с большевиками за свои казачьи границы, за свою государственную независимость. — „Не верно, вы — злостные искажители истории! Казаки руководствовались тогда высоким русским патриотизмом, боролись, кровь свою проливали, умирали во имя России“ — говорят нам.

Чтобы уличить так утверждающих в явном искажении смысла казачьей борьбы, ближайшей казачьей истории, разрешите привести только одну цитату. Цитату не из статей вольных казаков, а из официального документа. В июле 1919 г. нынешний Донской Атаман ген. Богаевский, тогда в качестве председателя Донского правительства писал Украинскому правительству следующее: „В В. Д., уже существовавшее как самостоятельное государство с 1570 по 1645 год, в настоящее время, отделившись от сов. России, объявляет себя вновь самостоятельным государством, ни от кого независимым, окончательно определенным и суверенным государством“... И оно желает „жить в самой близкой дружбе с Украиной, каков бы строй

ни был в России"... оно стремится „к тесному сближению и неразрывной дружбе Украины и В. В. Д., как соседних самостоятельных и суверенных государств, идущих по пути взаимной поддержки, независимо от того, как бы ни развернулись события в будущем"... Опять таки, если кто „извратил“ ближайшую казачью историю, так сделал это нынешний Ат. Богаевский в качестве (тогда) председателя Донского правительства. И вы свое обвинение должны адресовать к нему, а не к нам, самостийникам!

Возьмем статью 1-ю Донской Конституции, которая гласит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“. Неужели вы хотите сказать, что написано так, а нужно читать иначе? Неужели вы хотите утверждать, что составители Основных Законов Донского Государства были настолько наивны, что не понимали, что делали? Если кто „исказил“ „ближайшую казачью историю“, так сделали это составители Донской Конституции, весь Донской Круг, принявший эти Основные Законы. И вы свое обвинение в искажении „ближайшей казачьей“ истории должны адресовать составителям этих Законов, к Донскому Кругу, законы эти утвердившему и... к В. А. Харламову, бывшему председателем этого Круга!

Есть еще одна „искажительница“ „ближайшей казачьей истории“. Это — присяга, т. е. неистребимый закон нравственно-религиозного порядка. Текст присяги-клятвы, которую мы все приносили в свое время, гласит: ... „обязуюсь быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“...

Такую присягу я принес перед образом Будды, а вы принесли перед Св. Крестом. Неужели вы хотите сказать, что, принося свою присягу-клятву, произносил перед Св. Крестом эти слова, в душе вы думали иное?

Вот вам несколько неопровержимых, документальных данных на голословное обвинение нас, самостийников, в искажении казачьей истории „авторитетным“, „большим“ человеком — В. А. Харламовым. Эти факты с неопровержимой убедительностью обнаруживают перед вами истинного искажителя смысла казачьей борьбы.

Перехожу к „опровержениям“ докладчика. Он утверждал здесь, что Россия казаков не так то давила, как жалуются самостийники. И привел три примера. Как раз и я сошлюсь на эти три примера. Самостийники совершенно правильно указывают на бесчеловечную расправу Петра I с Донским Казачеством, когда тысячи казаков были убиты, Дон был залит казачьей кровью, когда по его волнам плыли плоты с казачьими трупами на виселицах, навода на весь Край ужас, когда казачьи городки сжигались, стирались с лица земли. Опровергается ли этот „факт“ докладчиком? Совершенно нет! Но он говорит: „Что же в этом страшного, Петр I не только казаков уничтожал, но и своего собственного сына убил во имя Великой России“. Что, мол, там слезы проливать о гибели тысяч простых казаков, когда сын царский был убит! Не буду по этому поводу спорить с докладчиком, ибо вся „убедительность“ этого его „опровержения“ очевидна всем вам и без меня.

Докладчик обвинял самостийников в том, что они демагогически обвиняют русский народ, наделяя его желанием давить казаков, при чем ссылаются на мобилизацию двух военных округов Керенским против Дона и на его требование о выдаче Ат. Каледина Москве. Я спрашиваю вас: что же, докладчик опровергает этот факт? Нет! Наоборот, он так же подтверждает, что такой факт имел место, но он с самым невинным видом задавал здесь перед вами вопрос: „Но при чем тут русский народ? Ведь это сделал один легкомысленный Керенский!“ — По моему, или сам докладчик прикидывается простачком, или он всю аудиторию считает состоящей из одних дурачков. Ведь тогда Керенский был кумиром русского народа, его ведь целых восемь месяцев именно русский народ носил на руках. Такой симпатией, такой любовью своего народа, как Керенский тогда, никогда не пользовались и не будут пользоваться ни наш докладчик, ни его политический патрон проф. П. Н. Милюков. И, мобилизуя тогда против

Казачества два военных округа, Керенский как раз выражал желание своего народа, т. е. народа русского (великорусского)! И никакие ваши словесные приемы этого обстоятельства не изменят, действия тогдашнего Керенского не отделят от желания русского народа!

Докладчик также обвинял нас, самостийников, в том, что мы в демагогических целях, отождествляем слова В. М. Чернова „казакам нужно потесниться“ с желанием русского народа и он с ангельским видом спрашивал вас: „Зачем сваливать вину за слова какого-то Чернова на русский народ? При чем тут русский народ? — Этим своеобразным приемом докладчик думает очистить русский народ от преступных действий в отношении Каз-ва как далекого Петра I, так и близких: Керенского, Чернова и др. Но все вы сами должны хорошо знать, что Чернов — не какойнибудь там шалопай, а председатель первого и, может быть, последнего Всероссийского Учредительного Собрания. Может быть и не заслуженно, но Чернов в один исторический момент был облечен доверием огромного большинства русского народа. Произнес свои исторические слова „казакам нужно потесниться“, Чернов тогда, действительно, выразил программу русского (великорусского) народа!

Докладчик пытался высмеять самостийников на том основании, что по „невежеству“ своему они утверждают, что, если бы тогда Казачество заявило бы, что защищает только свои границы, то большевики оставили бы нас в покое, как они оставили в покое Эстонию, Латвию, Литву и т. д. Конечно, самостийники так категорически не утверждают. Тут докладчик с понятной целью пересаливает. Но самостийники, действительно, говорят, что возможно нас оставили бы в покое и теперь мы не скитались бы по свету. От этого своего предположения они не отказываются и теперь. Конечно, большевики сделали бы это (если сделали бы!) не из за любви к казакам, а вынуждено, в силу необходимости, чтобы уцелеть хоть в пределах Московии, ибо тогда их положение было чрезвычайно тяжелое. Для такого утверждения у нас есть серьезные основания.

Тогда положение большевиков было очень тяжелое и в среде высшего красного командования серьезно ставился вопрос об отказе от борьбы с Казачеством, чтобы легче было покончить с Деникиным. Они тогда, во имя сохранения своей власти хоть в пределах Великороссии, готовы были отказаться от многого. Напрасно докладчик пытается доказать, что Эстония, Латвия, Литва и т. д. получили свою независимость потому, мол, что их земля не нужна была большевикам, балтийские порты не нужны им. Не верно! Большевикам не только эти земли, но весь мир нужен. Но они отказались от них, потому что близок локоть, да не укусишь! В этом же порядке могли они отказаться и от Казачьих Земель. И в высшем красном штабе такой вопрос поднимался.

Почему ставился так вопрос? Потому что, — как пишет Троцкий в своей книге „Моя жизнь“, — „Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву“. Как видите, причина довольно убедительная. Большевикам, при тогдашнем их трудном положении, не было особой охоты воевать с теми, кто оставался бы в пределах своей земли и не задавался целью освобождения Москвы, т. е. уничтожения большевиков в их гнезде.

В этом случае (если большевики оставили бы казаков в покое) — „казаки оставались бы на местах, чтобы охранять свои границы от чужаков, но мы их не трогали бы. Вопрос о Казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической“ (Троцкий, „Моя жизнь“), т. е. казачий вопрос мог бы разрешиться в порядке политических переговоров, как аналогичный вопрос разрешился с Эстонией и др.

Но казаки „вожди“, плененные идеей „Великой России“, поспешили крепко связаться с Деникиным и большевики вынуждены были продолжать свою борьбу с Казачеством. Что получилось в результате? Получилось, по словам Троцкого, следующее: „Если Деникин

не мог поднять Казачество на далекий поход против Севера, то, ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли уже защищать только на своей земле... В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями“...

К стыду и несчастью нашему, красный главковерх оказался лучшим знатоком казачьей психологии, казачьей „души“, чем многие наши казаки „сановные“ вожди!

Интересно, что же думала казачья народная масса в то время, когда большевики вынужденно собирались отказаться от борьбы с Каз-вом? Эти казачьи думы с поразительной ясностью и краткостью выражены в речи члена Войскового Круга рядового казака, который сказал следующее: „Мы на той поприще стоим, чтобы свое не отдать, а чужово нам не надо, то надо до того добиться, чтобы эти флажки (обозначение линии фронта на карте) назад не передвигались, но и вдаль далеко не пушались... Россия?.. Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низость... Ну, и пушай... У нас в своих делах не мало собственных... Прямо сказать, г. г. члены, кто пропитан Казачеством, тот свое не должен отдать дурно... А на счет России — повременить. Пушай Круг идет к той намеченной цели, чтобы спасти Родной Край — пригребай к своему берегу“...

Конечно, наши умные вожди тогда высмеяли этого простого казака, так поразительно верно и так кратко сформулировавшего всю казачью политическую программу, т. е. высмеяли сокровенное желание своего народа, заставили его пойти на спасение Москвы и... привели нас к разбитому корыту. Те же „вожди“ пытаются высмеять теперь и нас, самостийников, именно за то, что мы стоим „на той же поприще“: „своё не отдавать и чужово не брать“.

Вот эта наша программа — „своё не отдавать и чужово не брать“ — является и хорошим ответом на многократное подчеркивание докладчика о том, что, мол, „самостийники ненавидят русский народ, собираются военать с русским народом“. Но вы сами легко поймете, всю неверность его утверждения. Для этого только нужно задать себе вопрос: „кто является настоящим врагом — тот ли, кто идет в чужой дом грабить, или тот, кто свой дом, свои стены защищает от грабителей“? Мы, самостийники, к русскому народу, поскольку он будет сидеть у себя дома в Великобритани и устраивать свою жизнь, никакой вражды не питаем и не можем питать. Устраивайтесь у себя как нам угодно, как вам нравится, но только не мешайте и нам устраивать свою жизнь так, как мы сами желаем, пользоваться благами нашей земли, как мы найдем нужным.

Докладчик не придает особенной цены принципу и говорит, что „дело не в принципе, а в силе, которая в данное время руководит“. Эта сила, мол, переделала по своему принцип „самоопределения народов“: одним (Эстония, Латвия и др.) принесла независимость, а другим — нет.

Верно, что сила имеет важное значение, что и говорить! Как раз мы, учитывая внутренние и внешние силы, которые как раз хорошо могут согласоваться с принципом самоопределения народов, стоим на своей самостийной позиции. А вот тот австро-немецкий пример, приведенный докладчиком, можно, ведь, обратить и в пользу самостийников. Ни для кого не секрет, что наши противники постоянно твердят о том, что если казаки самоопределятся, то в силу своей слабости, они неизбежно должны войти в подчинение какого-то сильного государства, которое наложит свою лапу на Каз-во. Вот приведенный выше пример хорошо опровергает этот „аргумент“ наших противников. Сейчас не 15-й век. Сейчас конкуренция государств настолько сильна, что о поглощении кем-то кого-то серьезно говорить невозможно. Вот эта международная конкуренция является прекрасной гарантией того, что самоопределившееся Казачество прекрасно будет жить и устраивать свою жизнь так, как оно пожелает, ибо если кто и пожелает „проглотить“ Казакию, то другой скажет — не трогай. Да и вообще, можно ли серьезно

говорить о поглощении кем-то Казакии? Ведь Казакия — не кусок котлетки; может лопнуть и самая крепкая глотка!

Докладчик сказал поразительную в устах серьезного человека вещь: „Вокруг одной голой идеи нельзя создавать организации“... От этих его слов сначала я опешил, не сообразив в чем тут дело. Но потом только догадался об истинном смысле его слов. Ведь он совершенно прав, но только в отношении своей собственной идеи. Вокруг его „федеративной“ идеи, действительно, никого нельзя объединить. Это — святая истина! Эта идея никого из казаков не привлекает, к ее носителю, докладчику, никто не идет, вокруг него пустое пространство. Правда, докладчик свое политическое одиночество в казачьей среде очень легко объяснил, сказав, что „мы переживаем отрыв и разрыв поколений, отвержение старых“..

Нет, это отмирание старой, книжной теории, созданной двадцать лет тому в тиши кабинетов, и появление новых идей, рожденных непрерывным процессом самой жизни. Докладчик забрался на высокие горные вершины, обложился книгами, создал свою отвлеченную теорию, с реальной жизнью ничего общего не имеющую и плююны на „серую народную массу“, в поднебесных сферах строит свои воздушные замки, а казачья народная масса, от грешной земли не отрывавшаяся, идя в ногу с жизнью, пошла по своему земному пути к своей земной цели и собирается строить свой Казачий Дом.

Докладчик категорически отрицал какую бы то ни было ценность за всеми писаниями самостийников, как в области казачьей истории, так и в области публицистики. Почему? „Потому что, — говорит Харламов, — вольные казаки сначала поставили себе определенную цель, а потом все факты стали подбирать, подгонять под эту свою заранее поставленную цель“. Если считать подход к оценке всякой работы человека, то, пожалуй, придется отказать какую бы то ни было ценность за всякой литературой. Для того, чтобы понять, что его подход не выдерживает никакой критики, стоит только задать себе вопрос: неужели и русская история (которая казаков выводит как разбойников-воинов) составлялась без всякой цели? Неужели она не составлялась с определенной целью — возвеличения славы Рос. империи — и не под эту ли заранее поставленную цель подбирались, подгонялись факты? Неужели сейчас „красная“ русская история составляется без всякой цели? Неужели сам Харламов работает без цели? Неужели он хочет сказать, что он не „подгоняет“ факты под свою „федерацию“?

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что как сам докладчик, так и его патрон, все события жизни рассматривают через призму своей политической партии, подходят к ним с точки зрения интересов своей партии, безусловно в своей работе все факты подбирают, подгоняют под свою „федеративную“ цель. И тут нет ничего зазорного. На этом основании самостийники не могут отрицать известной ценности за их трудами.

Да, вольные казаки, имеют определенную политическую казачью цель. Да, они рады, когда факты казачьей истории с несомненностью оправдывают их цель, их работу. Но никто не смеет, лишь на том основании, что вольные казаки, де, имеют свою высокую цель, отрицать, да при том голословно, за их работой всякую ценность. Оттого, что Харламов будет на собраниях говорить о бездарности работы вольных казаков, их работа не превратится в бумажный хлам. Но мы смеем утверждать, что эта работа принесла свои плоды, реально опровергающие утверждения Харламова. Доказательство? Да хотя бы то обстоятельство, что раньше казаки приходили на собрания и молча слушали разные ахинеи про них, а теперь, в результате „бесценной“ работы вольных казаков, они приходят на собрания с открытыми глазами и ставят такие серьезные вопросы людям, которые предпочитают втихомолку производить свою „ценную“ работу и тайком складывать ее в своих сундуках!

Да слова о крестьянском вопросе. Докладчик здесь изошрялся в иронии на счет того, что вольные казаки,

де, собираются „оказачить“ огромное крестьянское море в Казачьих Землях, что это, мол, мечта ненормальных людей. Затем перечисляет, что Черноморская губ. — крестьяне, Ставрополь — крестьяне, Астраханское Войско — крестьяне и т. д. К сожалению, он в этом своем перечислении остановился на пол-пути. Надо было продолжить: почти половина Дона — крестьяне, почти половина Кубани — крестьяне, а значит... нужно вообще поставить крест на казачий вопрос.

Но самостийники так мрачно не смотрят на вопрос. Они, действительно, думают „оказачить“ все коренное крестьянское население. Только в этот термин не нужно вкладывать какой-то глупый смысл... Вопрос обстоит гораздо проще: надо, чтобы все коренные крестьяне пользовались одинаковыми с казаками правами и несли одинаковые обязанности. Вопрос кончен. Сделать это тем легче, что большинство и черноморцев и ставропольцев до недавнего времени были казаками и у них казачий дух, казачья кровь еще окончательно не уничтожены.

Напрасно указывают на то, что во время борьбы с большевизмом крестьяне были против казаков и что это было, мол, проявлением русского патриотизма, делали, мол, они это во имя России. Как бы не так! — Это было прямым результатом долгой пропаганды русской либеральной и революционной интеллигенции, которая постоянно вбивала в голову крестьянина, что — казаки, мол, ваши кровопийцы, они ваши угнетатели, пользуются вашими землями, берите от них и т. д. и т. п. И вот малосознательные крестьяне, не разобравшись в чем тут дело, во время революции стали и против казаков. Но эта революция теперь им показала — где раки зимуют и они теперь с радостью пойдут вместе с казаками.

Харламов с особенным удовольствием цитировал какую-то статью из журнала „Тризуб“, в которой говорится, что идея Казачьи не серьезна. На этом основании докладчик доказывал, что у вольных казаков нет никаких союзников. При этом не применил вспомнить о „честных поступках“ генералов Быкадорова и Старикова, которые, мол, поняв неосуществимость цели самостийников, честно ушли из В. К. и раскаялись. А Стариков, оказывается, в дружеской беседе с Харламовым указал, как на свою основную причину ухода, на то, что украинцы де претендуют на часть Донской территории. И он, Стариков, якобы сказал Харламову: „Что же это такое? Лучше я пойду с русскими, чем отдавать часть территории украинцам“.

Относительно статьи в журн. „Тризуб“. Это, ведь, частное мнение отдельного журнала. „Тризуб“ еще не Украина! А вот не угодно ли другое. В эмиграции существует объединенная организация „Прометей“, куда входят: украинцы, кавказцы (горцы, грузины, азербейджанцы) и туркестанцы. Вот эта объединенная организация приветствует В. К. и заявляет: „Сейчас, с точки зрения общих интересов борьбы подвластных России народов за национальную независимость, важна самая постановка вопроса о независимом казачьем государстве. Успех идеи казачьей самостоятельности — это успех для всех нас: Украины, Кавказа, Туркестана. Чем отчетливее и полнее будет понята взаимозависимость целей „ВК“ и фронта „Прометей“ всеми нами — и казаками и прометеевцами — тем увереннее мы пойдем на завоевание нашего — и казаков и прометеевцев — священного права на национальную государственную независимость. Привет горячему борцу за идею казачьей независимости — „Вольному Казачеству“.

Кто имеет уши и может понимать, для того совершенно ясно, что ссылка докладчика на статью в „Тризубе“ не выдерживает серьезной критики при наличии этого заявления всей объединенной организации.

Впрочем, бывает много людей, которые слышат, но не желают понимать. Вот относительно таких лиц и говорит калмыцкая поговорка: „Лучше сеять зерно на коровьих рогах, чем говорить человеку, который не желает понимать“.

О генералах, „честно“ раскаявшихся. Нужно сказать, что генералы не сами ушли. Ох, как они не хотели уходить! Но, их „ушли“ — одного за его полити-

ческое непостоянство, а другого — за политическое детство, а обоих вместе еще — за чрезмерное притязание на руководящее положение, без достаточных для этого данных.

Да и тот мотив ухода одного из этих генералов, о котором говорил докладчик, сам свидетельствует, что этот человек не совсем понимает то, что говорит. В самом деле? Как можно себе представить действительно идейного человека, который отказывается от этой идеи лишь потому, что ему где то и когда то какой-то украинец заявил о своем желании прихватить себе кусок казачьей территории. Ведь это же смешно! Наоборот, такие необоснованные притязания, неуместные апетиты, должны только еще больше объединять всех идейных вольных казаков, еще больше спаивать их в единый кулак, чтобы общим дружным усилием с еще большей энергией отстаивать свои права, свои интересы, а не бежать позорно с поля битвы, отрешившись от своей идеи и прятаться под юбку российской тетушки Марии Алексеевны.*)

Таким образом, при внимательном разборе всех „аргументов“ докладчика, от них ничего не остается. Больше того: его „критика“ обращается против него же самого!

Но, у докладчика есть один чрезвычайно серьезный „аргумент“, а для усиления этого своего „аргумента“ он цитировал книгу красного командира Егорова, где говорится, что „большевикам для их успешной борьбы нужна была, как воздух, богатая казачья земля!“ Против этого „аргумента“ мы возражать не смеем. Трудно было бы нам его отрицать, ибо он является историческим русским „аргументом“ против Казачества. Еще Петр I, посылая князя Долгорукого на Дон на уничтожение казаков, на разорения казачьих городков, наказывал ему уничтожить все и все, „понеже сам знаешь, как край тот нам надобен“.

Этот „аргумент“ нам известен и мы с ним считаемся. Но все таки мы предпочитаем прежде всего спросить у самого Казачества — нужны ли ему самому его богатейшие земли, берега теплых морей и т. д.? А докладчик, очевидно, считает, что эти казачьи богатства прежде всего нужны России.

Так неудачно „раскритиковав“ самостийников, докладчик в таких словах выразил свою „положительную“ программу: „Единство российского государства в форме федерации“; „в отношении Казачества нельзя применять одного рецепта, единого плана. Градация: одним — штат в федерации, другим только автономия“, а третьим, может быть, и совсем ничего.

Проще говоря — никакой казачьей программы, пустое место.

Вдобавок, можно ли сейчас серьезно говорить о российской федерации? Невозможно, ибо для построения этой федерации нет живых сил — ни внутренних, ни внешних. На пути к этой федерации стоят большевики, а бороться с ними во имя российской федерации никто не желает — ни во вне, ни внутри.

Так утверждают не только самостийники, но и сами русские люди. Например, Керенский прямо говорит: „Среди иностранцев нет никого, кто бы стремился сейчас действительно к свержению сталинской диктатуры во имя восстановления национально-здоровой и государственно-сильной России“ („Дни“, № 147).

Или в другом месте тот же Керенский пишет: „Среди иностранных врагов большевиков — нет во все дру з е й Р о с с и и, нашей общей — от крайних правых до крайних левых — родины“ („Дни“, № 148).

Так обстоит дело во вне. Может быть есть внутренние силы для борьбы с большевиками во имя российской федерации? На это также отрицательно отвечает тот же Керенский: „Конечно, петербургский обыватель (т. е. русский человек. Ш. Б.), доведенный до последней степени бесправия и нищеты, не способен на политический протест“, т. е. на борьбу с большевиками. Здесь, конечно, сказано очень деликатно, а мы от себя можем прибавить, что огромное большинство русского

*) От ред. Не знаем, о каких украинских притязаниях идет здесь речь, но заявляем, что своих территорий В. К. не собирается уступать никому.

(великорусского) народа не только не способно, но и не желает бороться и свергать большевиков.

Или русский же политический деятель Г. П. Федотов говорит, что „у свободы в России вне малого круга старой интеллигенции нет защитников“.

А рядом с этим бессилием в центре СССР, т. е. в Великой России, мы знаем непрерывные восстания в Грузии, на Кавказе, в Казакии, в Украине, в Туркестане. Эго борются, восстанут „окраинные“ народы против большевиков во имя своего освобождения, во имя своей национально-государственной независимости. Это и понятно, ибо сейчас в СССР есть, после компартии, единственная живая, реальная, подкрепленная живой идеей сила. Это „окраинные“ народы.

Об этом знают и сами русские люди. Например, младоросс Львов пишет, что если бы сейчас возможен был в СССР свободный плебесцит, то „с уверенностью можно сказать, что на втором месте (после коммунистов. Ш. Б.) оказался бы блок всевозможных сепаратистов.“

Скажут, что это малопонимающий молодой человек. Но вот почтенный русский проф. Ильин говорит по существу почти то же самое, но в несколько деликатной форме. Он пишет, что после падения большевиков... „вернее всего... политических тел и форм может сложиться на время сразу несколько — своя в Сибири, своя в Великой России, своя в Малороссии, своя на Кавказе и в средней Азии“...

О чем все это свидетельствует? О том, что в настоящее время в СССР есть только две реальные силы: компартия и молчаливо ее поддерживающая русская (великорусская) народная масса, с одной стороны, а с другой — непрерывно с большевиками борющиеся за свою государственную независимость националисты.

Это становится очевидно и для некоторых русских людей, которые из-за желания какой угодно ценой сохранить „единство росийского государства“ и не имея других для этого возможностей, начинают понемногу поворачиваться лицом к СССР.

Русский эмигрантский царь Кирилл I, хотя и заявляет о своей непримиримости к большевикам, но, с точки зрения защиты русских интересов, считает своим царским долгом приветствовать „строительство“ большевиков, как „зарождение новой жизни, как зарю величия моей родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа русского духа“ (а еще недавно некоторые русские обижались за указание на то, что большевики — русские люди!).

По утверждению Е. Кусковой, к ним, большевикам, ... „обернулась едва ли не вся (русская) эмиграция..., готовы, повернуты, духовно соединены с лесом волшебным и родным“, т. е. с СССР.

Павел Кудинов.

Заключительная глава к „Восстанию Верхне-Донцов“.

(Настоящая статья есть дополнение к очерку „Восстание Верхне-Донцов“, напечатанному в „В. К.“ в прошлом году).

Быть может многим из читателей, не принимавшим участия в восстании, или вследствие отдаленности своего местожительства от мест восстания, или просто по неосведомленности в виду того, что печать тогдашняя не проникала во все уголки Дона, покажутся несколько маловероятными многие доблестные действия восставших В.-Донцов. В этом случае я рекомендую, отбросив сторону описательную, просто сравнить число восставших казаков с общим числом наступавших красных, посылавшихся с задачей ликвидации восстания. Количество красных войск, действовавших против восставших казаков зарегистрировано не только оперативным отделом Штаба Армии Восставших, но и официально зарегистрировано в документах Штаба Донской Армии, если таковые сохранились.

Верхне-Донцы, поднявшиеся против красного террора, выдержали с честью неравную борьбу потому, что они проявили необылае упорство и героизм, ка-

А вот теперь политический патрон докладчика, П. Н. Милюков, на публичном собрании в Париже начинает доказывать, что „нам надо сочувствовать советской власти в ее борьбе за русские интересы“... Он как будто уже отказался от борьбы с большевиками, ибо по его мнению, ... „будет большое несчастье, если русские снова будут драться с русскими“, т. е. с большевиками (цитирую по газ. „Возрождение“. Вот Милюков так уже прямо говорит, что большевики — русские люди и бороться с ними будет — несчастье! Ш. Б.).

Таким образом у русских федералистов, следовательно и у нашего докладчика, ничего от их идеи не осталось, во всяком случае она сдана в архив до того благополучного момента, когда добрые русские люди-большевики добровольно откажутся от своей власти и вручат ключ к федерации федералистам. Таким образом, у них пока что, по выражению проф. Ильина, остались „слова без идей, распри без дела“!

А у самостийников крепко живет во всей своей привлекательности, яркости их идея, высоко развиваясь их знамя, на котором коротко и ясно написано: „Освобождение и возрождение родного нам Казачества; создание объединенного единого казачьего государства — Казакии на основе права, порядка и справедливости. В борьбе за осуществление этой своей высокой цели все средства хороши; наши друзья и союзники все те, кто борется за такие же высокие и благородные цели“. Эта идея настолько ярка и привлекательна, что привлекает к себе все новых и новых лиц, ряды под Вольноказачьим знаменем становятся все гуще и гуще. И никакие хитроумные приемы опытных „орателей“ выставить вольных казаков злее и чернее дьявола, потому что они смеют думать о Казачестве в ущерб „Великой России“, и глупее известного животного, потому что они „не понимают самых элементарных вещей“ — не способны замедлить темп этого каждодневного роста и укрепления вольноказачьего освободительного движения.

А международная обстановка складывается так, что вселяет в нашу душу еще больше веры в скорое, быть может, достижение нашей заветной цели.

И мы верим, что не за высокими горами и далекими долами светит яркая звездочка — предвестница грядущей Вольной Казакии. Наши противники делают все, чтобы эту звездочку потушить, чтобы перед нами снова наступил политический мрак, а мы, самостийники, постаремся, чтобы звездочка-зарница как можно скорее загорелась сильным пламенем на весь мир и чтобы освободившееся и объединенное Казачество, устроив свое свободное, независимое государство — Казакию, громко на весь мир сказало, что это — раз и навсегда.

кой едва ли можно найти во всех случаях восстаний в годы 1917—20, но, однако, этот исторический акт в жизни Казачества, могущий служить, как предмет воспитания для наших детей, ни в какой казачьей летописи не значится. Таким образом, получается так, что история о геройском восстании Верхне-Донцов молчит, а раз молчит „беспристрастная“ история, то о героизме их не будет следа в памяти потомков.

В своем скромном труде я не задаю целью возносить до небес павших и оставшихся в живых соратников, я воздаю только дань силе духа тем тысячам простых казаков, которые под водительством своего же брата, простого казака, проявили такое мужество в защите своей свободы и независимости.

Я подымаю свой голос еще и потому, что бывали случаи не только умалчания этого акта в истории казачьей борьбы с большевиками, но и были попытки очернить и приклеить к нам слово изменники“ (как